

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ТОВАРИЩЕСТВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Мельникова Т. В.

Научный руководитель – доцент Белькова Е. Г.

Байкальский государственный университет экономики и права

В настоящее время в российской науке преобладает мнение о том, что российскому полному товариществу соответствует североамериканское general partnership, а российскому товариществу на вере – североамериканское limited partnership¹. В связи с этим, проанализируем общие признаки указанных видов североамериканских товариществ.

Основы правового статуса general partnership устанавливаются Uniform Partnership Act, принятым в 1914 г. (далее UPA) с изменениями и дополнениями, внесенными с 1914 по 1997 гг. (эту версию с изменениями и дополнениями называют Revised Uniform Partnership Act – далее RUPA)². Основы правового положения limited partnership закреплены Uniform Limited Partnership Act, принятым в 1916 г. (далее - ULPA) с изменениями и дополнениями, внесенными в 1976, 1985 и в 2001 гг. (эту версию называют Revised Uniform Limited Partnership Act – далее RULPA)³.

Положение товарищества в правовой системе США обусловлено, в первую очередь, тем, что североамериканская правовая система, в целом, относится к числу прецедентных правовых систем (необходимо отметить, что один из штатов Северной Америки - Луизиана вследствие исторических причин унаследовал от Франции западноевропейскую правовую систему, которую в США называют правовой системой «civil law» - гражданского права). Кроме того, ULPA и RULPA применяются на территории соответствующего штата в случае, если они «ратифицированы» им.

В результате каждый штат имеет свое законодательство о товариществах. Вследствие этого, например, товарищество является юридическим лицом по законам Луизианы, а в других штатах ввиду многообразия различных правил, являющихся результатом развития общего права, этот вопрос не признается зачастую окончательно решенным.

Существование последней проблемы обусловлено также тем, что, как известно, понятие юридического лица – это результат развития права континентальной Европы. В североамериканской науке принято рассматривать товарищества также как и другие коммерческие организации не в качестве видов юридического лица, но как формы осуществления бизнеса – предпринимательскую организацию (Business Organization)⁴.

Вопрос о юридической личности general partnership решался в североамериканском законодательстве и в североамериканской науке на протяжении ряда лет различным образом. Например, в соответствии с UPA (1914) товарищи выступали в качестве собственников имущества товарищества. А. Шниман пишет, что, в соответствии с UPA, «каждый товарищ имел равное с другими право владения имуществом товарищества для достижения цели товарищества, но не вправе был владеть таким имуществом

¹ Например, Сыродоева О. Н. Проблемы юридической личности в законодательстве США // Правоведение. 1992. № 4. С.25.

² Bromberg Alan R, Ribstein Larry E. Bromberg and Ribstein on Limited Liability Partnerships, the Revised Uniform Partnership ACT, and the Uniform Limited Partnership ACT, Aspen Publishers, 2008.

³ Там же.

⁴ Miller R. L., Jentz G. Business Law Today / 7-th ed. New York : West Legal Studies in Business, 2008. P. 463-478.

для любых других целей без согласия других участников»¹.

Следовательно, такой наиважнейший признак юридического лица, как обособленность имущества, у *general partnership* отсутствовал. Существовал также запрет распоряжаться единолично как имуществом, так и долей в общем имуществе².

Отсутствие статуса юридического лица у *general partnership* детерминировало и содержание некоторых других правовых норм, сформулированных общим правом. Например, в судебной практике встал вопрос о собственнике недвижимого имущества, которое используется товариществом без какого-либо соглашения о передаче его товариществу, если до создания товарищества этим имуществом владели один или более участников товарищества.

Существовало два пути разрешения этой проблемы. Зачастую, если заключалось соглашение о передаче имущества, общее право признавало это недвижимое имущество по-прежнему собственностью участников, которым и принадлежало это имущество до передачи его товариществу³. При этом товарищество признавалось бенефициаром⁴.

В то же время некоторые суды решали подобные дела иначе – если членство в товариществе было подтверждено словесными доказательствами, товарищи становились сособственниками имущества, переданного *general partnership* одним из партнеров⁵.

Подобные правила режима общей собственности сформировались в североамериканской судебной практике и в отношении движимого имущества, принадлежавшего одному из партнеров, но используемого товариществом для осуществления бизнеса⁶.

Что касается североамериканской науки, то решение вопроса о том, является ли *general partnership* совокупностью партнеров (*partners*), или оно представляет нечто новое, отличное от их личности, зависело и в настоящее время зависит от того, придерживаются ли исследователи в отношении товарищества теории юридического лица или являются сторонниками, так называемой *aggregate theory*, согласно которой товарищество – это исключительно совокупность партнеров, но не самостоятельное юридическое лицо.

Каждый из указанных подходов обосновывается теорией агентских отношений. Североамериканские исследователи, как правило, раскрывают сущность товарищества через агентские отношения, которые складываются между агентом, обязующимся действовать от имени и в интересах другого лица – принципала, и последним. Эти отношения характеризуются в североамериканской науке тремя признаками:

- 1) фидуциарным характером этих отношений;
- 2) тем, что агент действует от имени и в интересах принципала;
- 3) правом принципала контролировать деятельность агента⁷.

Рассмотрим каждый из указанных признаков.

Североамериканские исследователи отмечают, что понятие *fiduciary* («фидуциарий», «фидуциарный») – сердцевина агентских отношений. В качестве существитель-

¹ Schneeman A. *Law of Corporations and Other Business Organizations*. 3-d ed. West Legal Studies. Delmar, 2001.

P. 35.

² Schneeman A. *Law of Corporations and Other Business Organizations*. P.25.

³ Например, *Robinson Ban v. Miller*, 153, Ill. 244, 38 N.E. 1078 (1894). *Jones v. Dugan*, 124 Md. 346, 92 A. 775 (1914).

⁴ *Holmes v. Jarett, Moon @ Co.*, supra, note 45.

⁵ *Entucky Block Cannel Coal Co. v. Sewell*, 249 F. 249 F. 840 (1918).

⁶ Например, *Hartigan v. Casualty Co. of America*, 227 N. Y. 175, 124 N. E. 789 (1919). *Summa v. Masterson*, 215 App.Div. 159, 213 N.Y.S. 177 (1926).

⁷ Bromberg Alan R. and Ribstein Larry E. *Bromberg and Ribstein on Partnership*. V. 1. Aspen Law and Business. 2002. P. 13.

ного этот термин обозначает «субъекта, который имеет обязанность создавать своими действиями выгоду, в первую очередь, для другого лица. В качестве прилагательного – отношения, основанные на доверии и конфиденциальности»¹.

Таким образом, отношения в североамериканском хозяйственном товариществе характеризуются как лично-доверительные.

Что касается второго признака агентских отношений, то мнения североамериканских исследователей касательно личностей агента и принципала разделились. Некоторые американские исследователи рассматривают товарищей как в качестве агентов товарищества, так и в качестве агентов друг друга². Такое решение вопроса подкреплялось ранее и правовыми нормами, сформулированными судебной практикой³. Еще в XIX в. М. Линдли писал: «Члены товарищества не образуют единого целого, которое рассматривается как нечто отличное от индивидов, образующих его; они также в совокупности не наделены правами и обязанностями. Права и ответственность товарищества – это права и ответственность товарищей, которые реализуются ими индивидуально»⁴.

Другие исследователи полагали, что товарищи являются лишь агентами товарищества, но не друг друга⁵. Обсуждается этот вопрос и в российской науке. Например, С. Д. Могилевский пишет: «Ни в Англии, ни в США, согласно законодательству “товарищества” как организационно-правовая форма осуществления предпринимательской деятельности не относится к числу корпораций. Это связано с тем, что корпорация является юридическим лицом, а товарищество – по сути, объединение лиц и законодательством этих стран юридическим лицом не признается»⁶. Подобной точки зрения придерживается и Я. М. Гританс⁷.

Необходимо отметить, что в российской науке в настоящее время имеется еще одна точка зрения на исследуемую проблему. По мнению В. М. Шумилова, «в любой сделке товарищества партнеры выступают по отношению друг к другу как агенты и принципалы одновременно»⁸.

Определение партнеров в качестве агентов исключительно товарищества приводит к выводу о том, что товарищество – это обособленный от личности его участников субъект, т.е. «складывающиеся в товариществе отношения отличаются от отношений агент-принципал, так как хотя, партнер и имеет право связывать его сотоварищей своими действиями, он не является объектом контроля со стороны каждого другого члена товарищества в отдельности. Однако товарищ является агентом самого товарищества, которое рассматривается как объединение лиц и обладает правом контроля за действиями товарища»⁹.

В соответствии с aggregate theory, согласно имеющимся судебным решениям, «каждый товарищ устанавливает, что все другие являются его агентами в целях заключения контракта для него и для товарищества в рамках деятельности, осуществляемой товариществом. Агентское право, главным образом, хотя и не исключительно, регули-

¹ Miller R. L., Jentz G. Business Law Today. P. 547.

² Например, Schneeman.A. Law of Corporations and Other Business Organizations. P. 25.

³ Например, First Nat. Bank of Ann Arbor, Mich., v. Farson, 226 N. Y. 218, 123 N. E. 490 (1919).

⁴ Lindley M. Partnership. 5th edition Audenried Am ed. 1891. P. 61.

⁵ Judson A. Crane. Handbook of the Law of Partnership and Other Unincorporated Assosiations. St. Paul, MINN, West Publishing Co. 1938. P. 187.

⁶ Могилевский С. Д. Корпорации в России: правовой статус и основы деятельности. М.: Дело, 2007. С.19.

⁷ Гританс Я. М. Указ. соч. С. 36.

⁸ Шумилов В. М. Особенности правового положения товарищества в США // США. Канада. Экономика-политика-культура. 2003. № 8. С. 123.

⁹ Agency, Restatement, § 14, comment.

рует отношения между товарищами по отношению друг к другу и к лицам, имеющим дело с товариществом. Каждый товарищ действует для себя как принципал, имея интерес в собственности товарищества, а также как агент для других товарищей»¹.

По нашему мнению, несмотря на то, что RUPA признал полное товарищество «предприятием, отличающимся от личности его участников-партнеров»², имеющиеся в правовой системе США нормативные правовые акты и судебная практика все же не позволяют однозначно ответить на вопрос о том, является ли товарищество юридическим лицом, т.е. самостоятельным субъектом права, обособленным от личности его партнеров.

RUPA рассматривает полное товарищество в качестве самостоятельного субъекта права для определенных целей. А. Шниман пишет: «Например, UPA содержит специальные положения о том, что товарищество является собственником имущества, которое оно вправе передавать другим лицам от своего имени, и о продолжении деятельности товарищества после передачи одним из участников товарищества по договору цессии своих прав. В соответствии с UPA участники являются агентами товарищества, а не только друг друга. Товарищества являются юридическими лицами также для целей лицензирования, гражданской ответственности перед третьими лицами и предъявления имущественных исков в суд»³.

Действительно, например, в соответствии с разделом 203 RUPA имущество, приобретенное товариществом, является собственностью товарищества, а не партнеров, а в соответствии с разделом 301 этого же нормативного правового акта партнеры являются агентами полного товарищества.

В то же время для некоторых иных целей полное товарищество трактуется не как юридическое лицо, а как совокупность участников – полных товарищей, что является основной аксиомой *aggregate theory*. А. Шниман отмечает: «*Aggregate theory* используется во многих нормах UPA, регулирующих ответственность и обязанности участников»⁴. Например, положение о том, что налоги на доходы, полученные товариществом, платят товарищи, а не само товарищество, характеризует последнее не как юридическое лицо, а с позиции *aggregate theory*.

С одной стороны, каждый товарищ, по общему правилу, может действовать от имени товарищества, не согласовывая свои действия с другими участниками товарищества, за исключением случаев, когда ведение дел товарищества поручено одному или более участникам, что обычно имеет место в товариществах с большим количеством участников⁵. То есть каждый партнер – это «агент» организации в целом.

С другой стороны, товарищество не является субъектом налогообложения⁶, а значит, субъектом права. В данном случае каждый партнер является принципалом и агентом всех других товарищей.

Вопрос о юридической личности товарищества на вере решается в разделе 104 RULPA Limited Partnership, согласно которому Limited Partnership – организация, отличная от личности ее партнеров. В соответствии же с разделом 105 RULPA, товарищество вправе быть истцом и ответчиком в суде, защищать собственное наименование, предъявлять иски партнерам товарищества о возмещении вреда, причиненного ими товариществу нарушением учредительного договора или своих обязанностей.

¹ First Nat. Bank of Ann Arbor, Mich., v. Farson, 226 N. Y. 218, 123 N. E. 490 (1919); Caswell v. Maplewood Garage, 84 N.H. 241, 149 A. 746, 73 A.L.R. 433 (1930).

² RUPA (1997) § 201.

³ Scheeman A. Law of Corporations and Other Business Organizations. P. 28.

⁴ Там же.

⁵ Там же. P. 47.

⁶ Например, 26 U.S.C. § 701 (2000).

Что касается третьей характеристики агентских отношений – права контроля, то она является следствием повышенного риска, который несет принципал. Право контроля за поведением агента – гарантия прав и охраняемых законом интересов принципала.

Как RUPA, так и RULPA упоминают понятие «фидуциарный» и устанавливают гарантии прав принципалов. Согласно раздела 404 RUPA и раздела 408 RULPA *general partners* имеют фидуциарную обязанность лояльности и осмотрительности. Другие партнеры осуществляют контроль за исполнением этой обязанности и в случае ее нарушения вправе обратиться в суд с иском о защите своих прав. Необходимо отметить, что в североамериканской судебной практике дела, связанные с нарушением этой фидуциарной обязанности, весьма распространены.

При этом обязанность лояльности означает: 1) осуществлять учет и управлять в качестве доверенного лица имуществом, прибылью и доходами, полученными партнером в результате управления или окончанием бизнеса или в результате использования имущества партнерства;

2) воздерживаться от заключения сделок с партнерством в течение осуществления последним бизнеса или при прекращении бизнеса или от имени заинтересованной стороны в ущерб партнерству.

Например, по одному из дел суд установил следующие обстоятельства. Семья Дженнингс организовала *limited partnership*. Из них Катарина, Луис и Беверли обладали каждый по 5 % долей полных товарищей и по 15% долей вкладчиков, а Майкл – 40 % долей вкладчиков. Товарищество арендовало имущество у Эвис и Мэри Бут. Майкл через Компанию с ограниченной ответственностью, которую он контролировал, приобрел сдаваемое в аренду Бутами имущество и стал арендодателем товарищества. Товарищество, в свою очередь, передало это имущество в субаренду за 50 тыс. \$ в месяц компании, в которой Майкл был единственным акционером. В 2004 г. Майкл предложил товариществу вместо договора аренды оформить отношения договором займа для того, чтобы осуществить развитие производства *limited partnership*. Товарищество отказало Майклу. При этом Луис заявил о недействительности договора аренды. В ответ Майкл подал иск о том, что действия Луиса нарушают фидуциарные обязанности последнего в отношении товарищества, в связи с чем потребовал исключения Луиса из партнерства и включения Майкла вместо Луиса в число полных товарищей. *Limited partnership* иск не признало в связи с тем, что Майкл имел экономический интерес, который противоречил целям деятельности товарищества. Суд первой инстанции согласился с ответчиком и отказал истцу в удовлетворении исковых требований¹.

В то же время по другому делу суд постановил, что принуждение партнеров, обладающих меньшим количеством долей, партнерами, обладающими большинством голосов, к продаже их долей по рыночной цене, не является нарушением принципа лояльности².

3) воздерживаться от конкуренции с товариществом в ведении им бизнеса до ликвидации партнерства. При этом, как свидетельствует судебная практика, речь идет о конкуренции в сфере той деятельности, которую осуществляет товарищество.

Так, в деле *Kelten v. Stravinski* суд установил, что, создавая *general partnership*, два партнера (*Kelten* и *Stravinski*) в учредительном договоре определили в качестве сферы деятельности складской бизнес, описали конкретные проекты, и указали, что каждый из партнеров не вправе конкурировать с товариществом в его деятельности. Впоследствии один из партнеров обратился в суд с иском, основанным на нарушении другим партнером условия о запрете конкурировать с партнерством. Однако суд отказал в удовлетворении исковых требований, указав, что деятельность ответчика никоим

¹ *Michael v. Jennings Family Ltd. P'ship*, 276 Va. 595, 660 S.E.2d 284 (2005).

² *J & J Celcom B. AT & T Wireless Services, Inc*, 169 P.3d 823 (Sup. Ct., 2007).

образом не была связана с теми видами деятельности, которые были указаны в учредительном договоре товарищества¹.

Обязанность осмотрительности general partner в отношении товарищества и других партнеров для обеих форм осуществления бизнеса означает, что в период осуществления партнерством бизнеса, а также в период прекращения бизнеса партнерством партнер должен воздерживаться от совершения правонарушений, которые могут повлечь для товарищества убытки.

В целом, следует признать, что фидуциарные отношения в североамериканском товариществе урегулированы более детально, чем в российском законодательстве. Единственная обязанность, образующая содержание такого отношения, урегулирована п. 3 ст. 73 ГК РФ, в соответствии с которой участник полного товарищества не вправе без согласия остальных участников совершать от своего имени в своих интересах или в интересах третьих лиц сделки, однородные с теми, которые составляют предмет деятельности товарищества. При нарушении этого правила товарищество вправе по своему выбору потребовать от такого участника возмещения причиненных товариществу убытков либо передачи товариществу всей приобретенной по таким сделкам выгоды.

Учитывая право полного товарища самостоятельно действовать от имени товарищества, по нашему мнению, в рассматриваемом вопросе следует перенять опыт, имеющийся в североамериканском праве. Мы предлагаем дополнить пункт третий статьи 73 ГК РФ вторым абзацем следующего содержания: «Участник полного товарищества не вправе без согласия остальных участников заключать сделки с товариществом». Второй абзац в действующей редакции считать абзацем третьим. В последнем слова «При нарушении этого правила» заменить словами «При нарушении этих правил».

В то же время в связи с тем, что в российском хозяйственном товариществе ведение бухгалтерского учета осуществляется так же, как в любом другом юридическом лице, отсутствует необходимость в закреплении в ГК РФ обязанности полных товарищей осуществлять учет и управлять в качестве доверенного лица имуществом, прибылью и доходами.

В североамериканском законодательстве так же, как и в российском законодательстве, отсутствует понятие товарищества. Тем не менее, судебная практика его выработала. Классическим определением товарищества является определение судьи Кента: «...товариществом является договор двух или более дееспособных лиц, вкладывающих свои деньги, усилия, работу и навыки (умение) или некоторые из них или все, в законную коммерческую деятельность или бизнес, распределяющих прибыль и убытки в определенных пропорциях»².

Таким образом, североамериканские general partnership и limited partnership – это коммерческие организации, основанные на лично-доверительных отношениях между их участниками. Подобно правовому статусу российских полных товарищей general partners солидарно несут субсидиарную ответственность по обязательствам указанных организаций и принимают личное участие в управлении товариществом и ведении им хозяйственной деятельности.

¹ Kelten v. Stravinski // <http://www.corporatesecuritieslawblog.com>.

² Business Law. Vol. 2. Chicago, La Salle Extension University. 1965. P. 114.